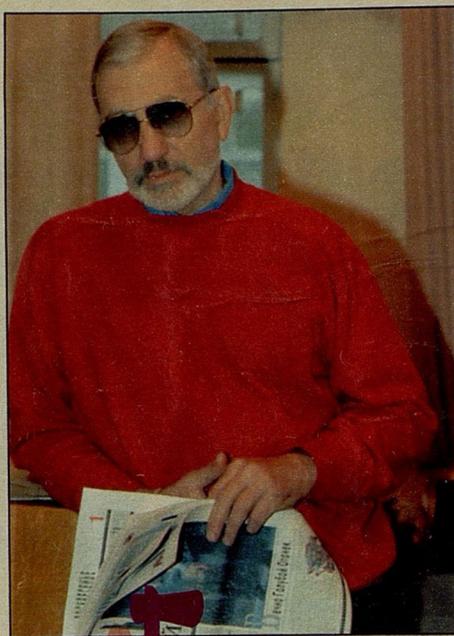

Семь дней - 1995 -
17-23 июля - 624

ТУЗ В РУКАВЕ

У ЗЕРКАЛА

ГЛЯДИ: МЕРЕЖКО!

Актеров знают в лицо, режиссеров – по фамилиям, а сценаристов просто никто не знает. Среди счастливых исключений – Виктор Мережко, ведущий “Кинопанорамы”, программы “Мое кино” (ТВ-6).

Слава Богу, нет необходимости описывать рабочий кабинет Мережко, который он упорно называет мастерской. Его неоднократно показывали по ТВ во время передач, а у проживающей там полугаиши Ксюши, по-моему, даже брали интервью. Она и в наш разговор пыталась включиться, пока ее не отнесли в большой клетке, пардон, в сортир.

– Виктор, если следовать формуле, чему равняется ТВ+Мережко?

– Если по-нахальному, то успеху. А если по-серьезному, то это тот жизненный поворот, который необходим в судьбе каждого человека. Я себя считал драматургом, и вдруг мной интересуется ТВ. Предложение я принял с колебаниями, боялся, но сейчас понимаю, что в сегодняшнем моем успехе заслуга именно телевидения.

– Ты помнишь свое первое появление на экране?

– Впервые меня сняли с Михалковым, как автора “Родни”, потом еще пару раз. А уж как человека телевизионного... Режиссер из “Останкино” Наталья Вишневецкая, прочитав мою статью в “Культуре”, предложила мне сделать серию передач под названием “Шок”. Их вышло три, речь там шла о разных проявлениях бардака в нашей жизни. А потом вдруг звонок из “Кинопанорамы”. Я очень не хотел, боялся обидеть коллег, вызвать разнотолки.

– У тебя много времени уходит на организацию съемок, а за это время можно было бы не один сценарий написать. Не жалко?

– Жалко. Но судьба подвела меня под период малокартинья в кино. У меня уже есть написанные сценарии и много задумок. Знаешь, говорю совершенно открыто, я тоскую по советскому времени. Когда-то мы завидовали западникам, их свободе. А они считали, что это мы счастливые люди, потому что наши работы финансирует государство и у нас не болит голова. Тогда у меня редактор Госкино вычеркивал пару фраз из сценария, а сегодня продюсер говорит, чтобы я сделал так, как ему нравится, а то денег не даст. До перестройки у меня было около 30 фильмов снято, их видела вся страна. Недавно повторяли по ТВ “Полеты во сне и наяву”. А после пере-

стройки снято 15, и ни одного, кроме “Курочки рябы”, не посмотрели. Еще “Рэкет”.

– Как-то он уж на полпути обрывается, ты мне говорил 11 серий будет.

– Я говорил – 30. Но вот с режиссером поссорились, сняли всего 5. Денег нет, для Госкино все это безразлично, запузывать мексиканский сериал дешево. А наш герой мог бы стать всенародным любимцем, он сейчас просто необходим. В общем – тоска...

– Ты себе нравишься на экране? Как мужчина...

– Я излишне мягок и добродушен, это мне не нравится. Жесткости больше надо. А как мужчина... Иногда ду-

маю: Господи, что за морда такая? Говорю без кокетства. А иногда – ничего, очень прилично.

– А в жизни ты как мужчина себе нравишься?

– В жизни больше нравлюсь. Я качаюсь, у меня штанга, каждое утро по 40 минут. Никогда не завтракаю, только обеды и ужины. Живота нет, с фигурой порядок. Только все смешалось: мужчина и ведущий. Был бы я не особо известен, может, кто-то и сказал бы: “Гляди, какой интересный мужик пошел”. А так – гляди, гляди: Мережко! Непонятно, почему обернулись.

– А какие женщины тебе нравятся?

– О, Господи! Хорошие, красивые, и чтобы в лице покой. Не люблю энергичных, беспокойных. Женщина должна быть миловидна и чиста. Не умна, а чиста эмоционально.

– Пример можешь привести?

– Сразу же: моя жена, Тамара. Если Господь дал мне счастье, то это – она. Она идеальная жена и идеальная мать. На 11 лет меня моложе. Кончила биофак университета. Сейчас не работает, целиком отдает себя дому и детям. И дай Бог ей здоровья.

– У тебя сценарий “Ночные забавы” написан с дочкой. По чьей инициативе?

– Была моя пьеса. И там был образ молодой девушки. Я сказал Маше, чтобы она его подкорректировала. И она сделала это здорово, у нее хорошая рука. Ей 21 год. Знаешь, это неслыхано приятное соавторство. Я когда читаю: Виктор Мережко и Мария Мережко, отцовские чувства как взывают!

– У тебя роскошная мастерская. А смог бы ты достичь своих вершин, живя в коммуналке?

– Нет. В коммуналке психология у человека совершенно иная. Это неправда, что великие произведения пишутся на подоконнике. У меня раньше была мастерская 9 метров, потом – 30, теперь 76. И я не стал писать меньше или хуже. Писатель вообще-то должен быть с определенным комплексом, но страшно, если это комплекс голодного человека.

– Когда ты плакал в последний раз?

– Недавно. В связи с чем, не хочу говорить. Это связано с близким человеком. Но бывает, я плачу, когда пишу, когда довожу своего героя до катарсиса. Ничего с собой поделаться не могу. Смотрю “Полеты во сне...”, когда он зарывается в сено, аж горло хватает. Я очень эмоционален.